



ційного розвитку дітей дошкільного віку // Проблеми загальної та педагогічної психології: зб. наук. праць Інституту психології ім. Г. С. Костюка НАПН України / за ред. С. Д. Максименка. – К., 2013. – Т. XV. – Ч. 1. – С. 74.–81.

6. Психологическое сопровождение профессионального становления личности в системе гуманитарного образования: коллективная монография. – Уфа: АЭТЕРНА, 2016. – 436 с.

7. Усатенко О. Н. Методология саморефлексии профессиональной подготовки практического психолога: монография. – Ялта, ВУЗ КГУ, 2013.

8. Чуб Е. В. Компетентностный подход в образовании // Инновации в образовании. – 2008. – № 3. – С. 21–26.



А. В. Старовойтов

УДК 159.98:7

ФАНТОМНЫЕ ФИГУРЫ СЕМЕЙНОЙ СИСТЕМЫ: ВОЗМОЖНОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ В СИСТЕМНО- АНАЛИТИЧЕСКОЙ АРТ-ТЕРАПИИ

Каждая семья – это уникальная система отношений, связанных со стремлением человека организовать свою жизнь в рамках социальной действительности определенным образом с тем, чтобы обеспечить возможность

продолжения существования последующих поколений. Каждая семья живет в своей специфической и уникальной *реальности*, обусловленной особым набором мифологем, со своими тайнами и переплетениями судеб [3; 4]. В некотором роде такую реальность можно обозначить как *фантазматическую*, и она может обладать большей или меньшей степенью адекватности, порождая из поколения в поколение различного рода дисгармонии.

Цель статьи видится нам в том, чтобы показать внутреннюю природу процесса формирования, а также взаимную связанность того, что принято обозначать такими понятиями, как белые пятна семейной истории, фантомные фигуры семьи, трансгенерационные передачи и системные семейные симптомы. Экспликация их смысла будет осуществляться в непосредственной связи с практикой психологической помощи семье в русле техник системно-аналитической арт-терапии.

Для того чтобы оценить масштабы функционирования семьи как системной целостности, следует рассмотреть ряд ключевых понятий. Именно они раскрывают содержание феномена фантомных фигур или латентных факторов бессознательной динамики семьи.

1. *Фантазм семейной системы*. Фантазматичность следует рассматривать как тенденцию к переносу внутриспсихических содержаний (идей, образов, мнений, установок, фантазий, стереотипов, сценариев) во внешний план действий и их проявление в качестве поведенческих стратегий, системы отношений и восприятий. Иными словами, фантазматичность строится не на реальных, объективных и рациональных основаниях, а на бессознательных предпосылках и иррациональных установках.

2. *Семейная память*. Семья как системный феномен не является изолированным, замкнутым в себе явлением. Она вплетена в различные отношения и окружена множественными связями. Любая семья возникает на фоне уже существующего родового опыта, сформированного рядом предшествующих поколений. Каждый индивид, составляя часть семьи, является хранителем всей или части семей-



ной памяти посредством того, что он увидел, услышал, пережил, и того, что ему было передано через предметы, свидетельства или рассказы. Его собственная идентичность получает подпитку от этой памяти [3; 6].

С онтологической точки зрения жизнь каждого нового человека строится на истории жизни тех, кто жил до него, на жизни живших прежде, т. е. его предков. Унаследованное человеком от его предков действует через сферы совместного семейного бессознательного, определяя экзистенциальные ориентиры жизни, склонности, выборы и смыслы [4].

Наследование касается всех областей существования – генетического, аффективного, символического, экономического и социального. Механизмом наследования выступает процесс передачи, который следует рассматривать как тотальный и неизбежный феномен. Утрата и лишение семейной памяти оказывается одной из наиболее значимых причин дисфункций и нарушений судьбы, деформации трансгенерационных передач. Феномен подобного рода обозначается как генеалогический тупик – это ситуация, когда ребенок по какой-либо причине лишен возможности осознания, переработки и интеграции своей генеалогической информации [2]. Генеалогические тупики формируются на фоне белых пятен семейной истории, т. е. всего имеющегося объема незнания, неизвестности относительно своего семейного прошлого, родовых связей и предпосылок. Ввиду отсутствия истинной семейной памяти, определяющей направленность передач, у человека оказывается «ампутирована» часть его субъектности, часть его истории. Вокруг может не оказаться никого, кто мог бы поддерживать память обо всем том, что было пережито, и с чем связана судьба. Для такого человека «поиск утраченного времени» является актуальной жизненной потребностью, иногда связанной с задачами собственного выживания, выстраивания отношений и продолжения рода. В случае ложной памяти о своем прошлом или белых пятен в собственной истории все вышесказанное (выживание, отноше-

ния, продолжение рода) оказывается затруднительным. Подмена судьбы (ложная память) может привести человека к гибели, поскольку любое зияние в личной истории воспринимается как невыносимое отсутствие смысла, а недостаток рефлекслируемой генеалогической базы – как оставленность, брошенность в мире, приводящие к состоянию экзистенциальной паники. Система родства и генеалогический императив – единственная надежда на преодоление панического чувства одиночества. Только воспоминание о себе в контексте своей судьбы, данной человеку с момента рождения, способно вывести человека из состояния генеалогического тупика.

4. *Семейные связи.* Семейная система подразумевает группу людей, связанных друг с другом общей судьбой. Такая группа включает в себя несколько поколений, члены которых могут быть бессознательно сплетены с судьбами других членов той же системы. Радиус действия какой-либо системы, широта ее охвата распознается по радиусу действия судеб, приведших к аффективным переплетениям в данной системе [5; 6].

5. *Скрытые лояльности.* Явление семейной лояльности (принятия, привязанности) основывается на факте кровного родства и на принадлежности к роду. Кровное родство выступает фактором непосредственного обусловливания переплетений судеб и отыгрывания в последующих поколениях несправедливостей и неоплаченных «долгов». Вместе с тем следует помнить, что данную трактовку наследования «грехов отцов» не следует принимать буквально, без оговорок. В западно-европейской культуре прослеживаются две генетические тенденции, определяющие скрытые динамики на уровне больших систем и популяционных сообществ. Эти тенденции связаны с принципами воздаяния и прощения, корнями своими уходящими в ветхозаветные и новозаветные тексты. Ветхозаветный принцип указывает на наследование и воздаяние, и на то, что дети наследуют ошибки своих отцов и вынуждены расплачиваться за них. Новозаветный принцип связан с императивом прощения и возможностью снятия с



себя груза «непрощенных грехов» в связи фундаментальным заветом искупления.

Если между родительскими фигурами развивается конфликт, то за ним можно усматривать конфликт генеалогий – тогда следует говорить о системном генеалогическом конфликте. Конфликт генеалогий проецируется в душу ребенка, когда он вынужден решать, чью сторону ему занять в этом конфликте. Интенсивность конфликтного напряжения в его душе возрастает по мере испытываемого затруднения в выборе. Данную ситуацию следует обозначать как конфликт лояльности – когда ребенок вынужден делать выбор между отцовской и материнской линией родства. Конфликт в детской душе может проявиться по-разному – через нарушения поведения, через эмоциональные затруднения или через различные формы соматизаций. Но в любом случае ребенок выступит носителем системного симптома или системной жертвой генеалогического конфликта. Родители могут использовать его в качестве посредника в решении данного семейного конфликта. Однако ребенок не является оптимальным средством решения в данной ситуации или средством отыгрывания дисфункциональных сценариев, поскольку такое решение или отыгрывание происходит за счет благополучия или здоровья ребенка и не сулит полноценного разрешения ситуации.

Результатом семейного конфликта может быть удаление части генеалогии без всякого объяснения. Часто так происходит после развода или конфликтного расставания родителей, когда ребенок оказывается на иждивении одной из семей и больше не может выражать свою привязанность к представителям другой части семьи. В этом случае говорят о разрыве лояльности, когда перед лицом конфликтных требований явно выраженная привязанность по отношению к одному из родителей автоматически воспринимается другим как проявление нелояльности [2].

Эти конфликты провоцируют внутренний разлад у ребенка, в связи с невозможностью им реализовать свою экзистенциальную потребность в принадлежности (экзистенциаль-

ную лояльность) никаким иным способом, кроме как через попытки примирить своих родителей в идеальном союзе, которого ему никогда не удастся достичь. Ребенок теряет таким образом веру в свои силы, а его глубинная идентичность оказывается деформированной, как если бы ему больше не удавалось добиться сосуществования двух частей в нем самом – внутренняя целостность ребенка равносильна изначальной целостности его семейной системы и целостности образов парентальных фигур в его душе.

6. Трансгенерационные передачи – судьба и неизбежность. Феномен трансгенерационных передач уникален. Он исследован в работах А. А. Шутценбергер, И. Бузормени-Надя и В. де Гольжака. Центральный феномен, который следует помнить при рассмотрении трансгенерационной динамики семейной системы и который определяет закономерности трансляций, заключается в том, что в семейной системе ничего не исчезает бесследно [2, с. 124–125].

Фиксация информации в семейном системном со-бессознательном связана с закономерностями функционирования системы – она способна развиваться и дифференцироваться лишь в том случае, если у нее есть исторические основания и предпосылка в виде содержаний прошлого. Отсутствие таких содержаний автоматически приводит к тому, что система дегенерирует, в ней запускаются инволюционные процессы распада и нарастания системного хаоса. Временной параметр и мультигенерационный контекст, на основании которого выстраивается историческое время существования семейной системы, выполняет функцию ее структурирования и дальнейшего развития, или, иными словами, обеспечивает процесс структурирования хаоса и препятствует процессам распада. Мультигенерационное время существования семейной системы (рода) поддерживает возникновение и существование последующих генераций, т. е. воспроизводство поколений людей, и выступает негэнтропийным фактором, препятствующим угасанию последовательности поколений и родов.



7. *Трансгенерационная память.* Помимо генерализированных в социальных системах закономерностей родства и наследования, существуют и более частные аспекты, связанные с надеждами человека на то, что память после его смерти сохранится, что он не исчезнет полностью и часть его продолжит свое существование в какой-то иной форме, например, в виде информации, заключенной в семейную, трансгенерационную память.

Потребность в сохранении части себя (информации о своей судьбе) актуализируется в тех случаях, когда:

- была допущена какая-либо несправедливость или упущение;
- кем-либо было пережито страдание и горе;
- часть жизненного плана по каким-то причинам не была реализована;
- обстоятельства не позволили осмыслить и исправить несправедливость, страдание или ошибки.

В случае присутствия в семейной системе памяти об подобных явлениях потомки будут рассматриваться как ответственные за преодоление последствий тех действий, которые были совершены их предками в одном из предыдущих поколений. Всякая ошибка, допущенная кем-то в семейной системе, должна быть восполнена («оплачена» и компенсирована), и судьба выступает своего рода «судьей», который берется наказать «виновных». Привлекая для анализа бытовые верования и мифологемы, можно предположить, что на потомство накладываются ошибки предков, которые воспринимаются как некая тайна, действующая как семейное (родовое) «проклятие». «Проклятие» в данном смысле не следует вульгаризировать и приравнивать к категориям бытовой магии (хотя стоит отметить, что в системном контексте ряд феноменов бытовой (народной) магии, описанных в отечественной этнографической литературе, не лишен своих психологических оснований; в ряде случаев они могут быть расценены и интерпретированы как значимые факторы, влияющие на динамику семьи и рода [1]), но скорее рассматривать как скрытую сис-

темную предпосылку к актуализации дисфункционального сценария, базирующуюся на фиксации в памяти семьи «ошибочного действия», нелегитимного акта кого-либо из значимых предков.

Детерминирующей силой в семейной системе обладают: а) семейные ошибки и нелегитимные акты; б) эдипальные мотивы, конфликты и их фиксации. Механизм фиксации события в системной памяти связан с тем, что бессознательная вина накладывается на реальную виновность, на реальное действие. Совпадение внутренней готовности, оценки и идентификации с внешним действием замыкает ситуацию, формируя круг обреченности, который циклично повторяется от поколения к поколению до тех пор, пока кто-либо в настоящем или в будущем, осознав всю патологичность привычной закономерности в судьбах, не прервет эту навязчивую повторяемость ошибок и упущений. Деструктивная связь, переплетения судеб и трансляции усиливаются, когда совмещаются стыд, чувство вины и тайна. Из индивидуальной души виновный в поступке/событии вытесняет вину и стыд в системно семейное бессознательное. Именно оттуда исходят и тянутся нити, влияющие на судьбы семьи.

8. *Фантомные фигуры и белые пятна семейной истории.* Семья как целостное образование включает в свою структуру и динамику различные фигуры. Эти фигуры могут носить различный по своей природе и характеру смысл. В качестве фигур могут выступать:

– *персоны семейной системы*, присутствующие в ней актуально, т. е. живые люди, активно участвующие в построении семейной истории и включенные в перекрестные отношения;

– *проекции живых людей* в структуру подсистем семьи, например, персона расширенной семьи опосредовано, через психику носителя данного устойчивого интроекта в виде фантома проецируется и внедряется в пространство жизни нуклеарной семьи (мать, реже отец, мужа или жены в пространство их собственных отношений);



– *фантомные фигуры умерших*, память о которых сохраняется в системе. Такая память может носить как положительные коннотации, так и отрицательные; фантомные фигуры умерших («призраки») могут быть представлены в различных формах: а) в виде миметических образов-копий в памяти живых носителей семейной истории, б) в виде неясных и устойчивых состояний и переживаний (трансгенерационные аффекты), в) в виде фантазматических образов сновидений и галлюцинаций, г) в виде навязчивых идей и мыслей, д) в виде повторяющихся событий, совпадений и дат (эффект годовщины).

Фантомная фигура или, если речь идет об уже умерших, «призрак», является следствием латентного функционирования бессознательной семейной тайны, в качестве которой могут выступать нелегитимные события – инцест, преступление, незаконное рождение и пр. Такое событие актуализирует данный феномен. Явление системного призрака по аналогии близко тому художественному образу, который описан в классической английской готической прозе – из этих произведений известно, что явление призрака всегда обусловлено определенной причиной, связанной с его неудовлетворенностью и неуспокоенностью; дух мертвого возвращается к живым и требует от них решения ситуации из прошлого и успокоения, как своего рода напоминание. Преодоление действий призрака сопровождается выяснением ужасной семейной тайны, после чего совершается некое ритуальное действие, после которого «призрак» умершего предка обретает покой. С технической стороны, данная схема описывает логически правильную последовательность снятия актуальности «призрака» и его возвращение из мира живых в системное бессознательное поле, его ассимиляцию и растворение. Поэтому любой «призрак» должен быть возвращен из мира живых в мир мертвых. Этот процесс осуществляется через разоблачение и прояснение тайны посредством герменевтической процедуры толкования и символического выражения. Технически это может быть психоанализ или любая глубинно-ори-

ентированная системная техника. Рассматриваемое явление требует особого подхода и внимательного отношения, поскольку данная тема описывает собой пограничный спектр феноменов, при неаккуратном обращении и вульгаризации которых существует опасность скатывания в область примитивной метафизики, бытового оккультизма и иррациональных страхов.

Н. Абрахам, предложив понятие *призрака*, рассматривает его в качестве центрального объяснительного механизма бессознательных трансгенерационных передач [2, с. 134]. Присутствие бессознательного фантома лежит в основе «возвращения мертвых» в мир живых. Если абстрагироваться от бытовых верований и страхов, существует своего рода бессознательный механизм оживления мертвых, точнее их образа, в душе живых и в семейной памяти. Следует при этом помнить, что существует различие между системными закономерностями этого процесса и бытовыми опасениями. Обыденное сознание приписывает фантомным фигурам некоторую (иногда значительную) степень автономности и произвольности в выборе действий, в связи с которой они, как кажется, могут возвращаться в мир живых, вмешиваясь в события жизни. В действительности ситуация складывается иначе, но эта инаковость не очевидна, что, в свою очередь, запускает работу страхов и связанных с ними фантазий. Мертвые не имеют произвольной автономности для возвращения в мир живых; не они возвращаются, но живые пытаются заполнить пробелы в истории (белые пятна), связанные с судьбами и тайнами других. Эти тайны проникают в самую сердцевину нашей души, поскольку наравне с ясно читаемыми аспектами генеалогической истории, принимают участие в формировании нашей идентичности – возникает проблема ее целостности и полноты. Чем больше тайн таит в себе история семьи, чем больше не проясненных моментов биографии, тем более идентичность лакунарна, и эти зияния будут настойчиво требовать своего заполнения в связи с невыносимостью для субъекта отсутствия структуры. В том



случае, если нет подлинной информации и исторических свидетельств, зияния заполняются фантазиями, страхами и домыслами. В сумме данные феномены объективируются как призрак и во внешнем мире, в сфере актуальной активности проявляются в соответствии с механизмами случайных совпадений и синхронизаций, обретая в этом свою материализацию. Следовательно, призрак является формой объективации/материализации фантазма. Субъект, сталкиваясь с явлением фантома, оказывается в поле действия чужого бессознательного (своих родителей или фигур старшего поколения). Парадоксальным образом в фигуре призрака сталкиваются амбивалентные тенденции. С одной стороны, фактом своего присутствия он сигнализирует о потребности раскрытия тайны, прояснения ситуации и потребности в успокоении, с другой же – как продукт бессознательного функционирования он стремится к тому, чтобы никогда не быть осознанным. Как бессознательное явление фантом способен быть транслируемым из бессознательного родителей в бессознательное ребенка, который погружен в совместное поле бессознательных взаимодействий. Данный процесс может напоминать вытеснение, как оно известно из теории психоанализа. Однако психическую динамику фантомной фигуры следует отличать от функций вытеснения. Вытеснение представляет собой механизм функционирования собственной психики, бессознательно иницируемый самим субъектом; объектами вытеснения оказываются опасные или чуждые компоненты психики. В случае актуализации фантома ситуация обстоит несколько иначе: фантом оформляется внедрением инородного смысла, который часто не может быть подвергнут рефлексивной оценке даже потенциально с какой-то степенью вероятности, поскольку касается чужой судьбы и чужой истории, к которой субъект оказывается причастен относительно и косвенно, как принадлежащая семейному контексту часть. Инородный смысл внедряется (инкорпорируется) в психический аппарат субъекта как нечто, как интенция, пришедшая извне. Основным

содержанием для субъекта такого смыслового наполнения является его незнание и непонимание. Именно незнание оказывается основным движущим механизмом актуализации фантомной фигуры, которая вступает с субъектом в тесные зависимые отношения, оказывая влияние на его идентичность. Однако такая идентичность на фоне присутствия фантомной фигуры оказывается лакунарной, т.е. не полной, и лакуны заполняются необусловленными аффектами. За лакунарной идентичностью стоят зоны неясности и белые пятна семейной истории.

Непосредственно данная ситуация достаточно интенсивно затрагивает душу ребенка, поскольку белые пятна, связанные с незнанием, возникают именно в его душе. Вместе с тем следует всегда помнить, что появление призрака из прошлого отсылает к вполне реальным фактам, но не доступным для субъекта, поскольку они связаны с чужой биографией, порождены чужой жизнью и не переданы в рассказах. «Создание» призрака непосредственно не касается бессознательного субъекта, а касается бессознательного другого человека, что приводит к двойному столкновению с непроговариваемым: с одной стороны, запрет снимать покров таинственности с того, что должно оставаться тайной, чтобы хранить «хорошую» память об умерших; с другой стороны, невозможность выразить словами нечто, что субъект не испытал сам, о чем он не может вспомнить, потому что он этого не прожил, и память чего не была передана с помощью слов. Реализуя подобный сценарий, субъект почти не может воздействовать на призрак, который его преследует. Он может чувствовать эту «беспокоящую странность» в себе, но не в состоянии ни понять, ни выразить то, что он чувствует. Активность призрака является источником бесконечных повторений, что препятствует возможности рационального осмысления.

Для ребенка эта ситуация усиливается еще и фактом его отношений к идеализированным парентальным фигурам (отец и мать). Он готов молчать и бессознательно уходить от правды для того, чтобы в собственных



глазах не разрушились его родительские фигуры, на основе которых выстраивается структура его идентичности. Проговаривание и поиск правды ставит под вопрос собственную идентичность. Однако кризис ломки идентичности «открывает глаза» на истинные аспекты биографии и истории. Молчание в семье не должно являться препятствием к постановке гипотез относительно фактов прошлого и его присутствия в настоящем в виде призрачных фигур и напоминаний. Связанные с призраком белые пятна требуют поиска информации. Этот процесс может длиться годами, но только это позволяет заполнить внутренние пустоты, прерывая круг навязчивых повторений судьбы. В связи с этим особо актуальным становится вопрос понимания механизма и логики формирования фантомных фигур, а также их идентификации.

9. *Семейные тайны.* Семья несет коллективную ответственность за создание и поддержание семейной тайны. Она оказывает воздействие на отношения между родителями, между сиблингами, а также между представителями нескольких поколений семьи. В том числе тайна оказывает влияние на то, как помнят об умерших, в виде каких мнемических концептов они присутствуют в семейной памяти. Память об умерших, точнее ее качество, способно оказывать влияние на ныне живущие поколения семьи. В том случае, если в семье есть тайна, молчание относительно ее содержания действует парадоксально: оно разделяет, поскольку устанавливает дистанцию, и в тоже время оно устанавливает незримую связь замалчивания между членами семьи.



Рисунок 1. Модель формирования и реализации «фантомной фигуры» семейной системы

Передача тайны (как негативного сценария) осуществляется от бессознательного к бессознательному. Причем этот процесс не связан с вытеснением, поскольку содержание тайны может быть неизвестно индуктору и реципиенту. Тайна передается как негативный сценарий, выстроенный как фантазм на основе пробела в знании – пустоты и неясности, зияния в истории семьи, что выражается в смутной интуитивной тревоге и ощущении опасности, идущей из прошлого. Субъект пытается нейтрализовать это тревожащее и ужасающее зияние и заполняет приемлемой фантазией или поведенческим актом. Сценарий может быть деструктивный (самоубийство, сумасшествие), но эта определенность кажется более приемлемым решением, нежели ужасающая неопределенность пустоты. Такой сценарий воспринимается как судьба и безысходность. В схематическом виде механизм формирования трансгенерационного сценария может быть представлен следующим образом – см. рис. 1.

Суммируя все, что касается трансгенерационных передач, тайн и фантомных фигур, можно сделать несколько заключений.

1. Тайны, скрывающие, отвергнутые и непризнанные предками факты передаются потомкам как «нечитаема» память; тайна указывает на ошибки, допущенные в прошлом, которые всплывают из семейного бессознательного в виде фантазматических элементов.

2. Передается именно тайна (ощущение неясности), а не память о событии – это должно указывать потомкам на необходимость восполнения пробела и исправления ошибки, признание события хотя бы символически.

3. Тайна представляет собой способ маркировки семейной истории, за которую на потомков возлагается ответственность против их воли.

4. Замалчивание, мотивированное желанием защитить семью от негативных воспоминаний и осознаний, дает противоположный эффект – формирование фантомной фигуры, призрака прошлого, который начинает «преследовать» потомков, указывая на неяс-



ные ошибки прошлого, и в отношении которого возникает задача терапевтического извлечения.

5. Фантом не находится в поле классической аналитической работы, поскольку не принадлежит субъекту и не может быть проанализирован как часть его биографического опыта или как структура его персонального бессознательного, скорее он является частью коллективной семейной памяти в ее бессознательных аспектах.

6. Фантом воспроизводится не как элемент личного бессознательного, но как часть бессознательного другого (предка), вписанного в семейную историю и в структуру системного семейного бессознательного поля.

7. Фантом не подвержен процедуре интерпретации, скорее он требует своего объяснения, т. е. проговаривания, поскольку он относится не к семейному роману, который выстраивается на основе семейного фантазма, но выступает частью, связанной с семейной историей, основанной на исторических фактах.

8. Поскольку тайна ставит под сомнение логику генеалогического порядка, она затрагивает не отдельных субъектов, но семейную коалицию в целом.

Областью фиксации содержания семейной истории выступает память. Индивидуальную, семейную и коллективную память в их связи между собой можно сравнить с вложенными друг в друга сферами. Информация, представленная в этих сферах, носит характер символических констелляций.

Семья характеризуется двумя параметрами: структурой, т. е. характеристиками своей организации, и мировосприятием – набором специализированных когнитивных схем и объяснительных принципов. Терапевтическое вмешательство может быть преимущественно ориентировано на переструктурирование системы, следовательно, на трансформацию функций, или на трансформацию мировосприятия. Оба эти контекста между собой тесно переплетены – изменение структуры влечет за собой трансформацию мировосприятия, и наоборот. Непосредственно это

касается фантомных фигур семейной системы и латентных симптомокомплексов.

Символический контекст семейной истории и системных симптомов может быть выражен: а) через метафорическое описание, б) через визуальные образы в ходе активного воображения и имажинативного моделирования, в) через художественное выражение символических образов. Эти три способа укладываются в рамки психотерапевтического искусства и системно-аналитической арт-терапии. Следует подчеркнуть, что художественная продукция, формирующаяся в ходе системно-аналитической арт-терапии, также имеет системный характер, поскольку способна проецировать на себя феномены, оказывающие комплексное (интегрированное) влияние на психику и тело человека, и на те социальные системы, в которые включен субъект, в данном случае речь идет о семье.

Символическая репрезентация семейной системы позволяет, во-первых, субъекту выразить свое многоаспектное видение семейной ситуации, во-вторых, символы, в которых выражается динамика и структура семейной системы, затрагивают и отражают различные контексты и уровни психической реальности, содержание которых может выходить за рамки субъектной психики индивида, и, преодолевая его контролирующие и сдерживающие инстанции, отражать семейные и коллективные бессознательные содержания.

Описанные нами приемы позволяют целостно охватить различные модальности семейного опыта и идентифицировать имеющее место в семье латентные процессы.

АННОТАЦИЯ

Семейная система представляет собой сложную целостность, включающую в себя несколько поколений членов семьи. Каждое поколение вносит свой уникальный вклад в семейную динамику, формируя ее память, опыт и способы существования. Семейная система включает в свою структуру как живых, так и умерших, способных функционировать в сфере семейного бессознательного в качестве фантомных фигур (латентные фак-



торы). Нередко именно они определяют скрытую динамику семейной системы, «невидимые лояльности», трансгенерационные аффекты и симптомы. Через образно-символические репрезентации, а также посредством системного и имагинативного моделирования мы можем идентифицировать данные фигуры.

Ключевые слова: семейная система, трансгенерационные связи, системные аффекты, фантомные фигуры, арт-терапия, идентификация латентных факторов.

SUMMARY

The family system is a complex integrity which includes several generations of family members. Each generation makes its own unique contribution to the family dynamics, forming its memory, experience and ways of being. The family system includes in its structure both living and dead, who able to function in the family unconscious as phantom shapes (latent factors). Often they determine the hidden dynamics of the family system, "invisible loyalty" transgenerational affects and symptoms. By figurative and symbolic representations as well as through system and imaginative simulation we can identify this figures.

Key words: family system, transgenerational communication, system affects, phantom figures, art-therapy, identification of latent factors.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адоньева С. Прагматика фольклора. – СПб., 2004. – 312 с.
2. Гольжак де В.. История в наследство: Семейный роман и социальная траектория. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 233 с.
3. Николс М., Шварц Р. Семейная терапия. Концепции и методы. – М.: Эксмо, 2004. – 960 с.
4. Теория семейных систем Мюррея Боуэна. – М.: Когито-Центр, 2008. – 496 с.
5. Хеллингер Б. Порядки любви: Разрешение семейно-системных конфликтов и противоречий. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2003. – 295 с.
6. Шутценбергер А. А. Синдром предков. Трансгенерационные связи, семейные тайны,

синдром годовщины, передача травм и практическое использование геносоциограммы. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 256 с.



М. Р. Арпентьева

УДК 159.98

ЦИФРОВЫЕ БЕСПРИЗОРНИКИ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ МЕДИАТИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ

Современный мир стал миром цифровых технологий, отношения к которым составили конкуренцию отношениям между людьми: выбирая себе собеседника, люди часто выбирают компьютер, цифровые или медиаустройства. Общение людей оказывается так или иначе опосредованным цифровыми технологиями, что существенно их изменяет, сводя на нет и так недостаточные усилия семьи, школы, трудовых организаций, общества и государства побудить людей переключиться с жизни виртуальной на реальную. Ученые и практики тревожатся о том, что виртуальная псевдожизнь разрушает человека нравственно, психологически и физически, она разрушает саму культуру, человека как ее носителя и создателя, человеческие отношения как часть культуры. На практике масштабы «цифрового бескультурья» и «цифровой инволюции» человека до сих пор недооцениваются, а способы препятствовать ей почти не разрабатываются.